

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ В ПЕТЕРБУРГЕ

Из 30 лет, скупо отмеренных судьбой великому сыну своего народа, первому казахскому ученому-просветителю Чокану Чингисовичу Валиханову (1835–1865), год с небольшим приходится на *петербургский период* его биографии. В середине февраля 1860 года «с подорожной по казенной надобности» поручик Валиханов прибыл из Омска в столицу — в конце мая 1861 года штабс-ротмистр Валиханов выехал из Петербурга, будучи командирован в Область сибирских киргизов (Кокчетав), «для лечения кумысом», чтобы «поправить на родине расстроенное здоровье».

Командировке Валиханова в Петербург предшествовали важные события в его жизни. В 1858–1859 гг. по заданию генерал-губернатора Западной Сибири Г. Х. Гасфорта, рискуя жизнью, молодой офицер под видом купца совершил в составе торгового каравана путешествие через Тянь-Шань в охваченный восстанием Кашгар — центр области в западном Китае, куда путь европейцам был издавна закрыт. Экспедиция имела исключительное значение и в научном, и в военно-политическом отношении. Отчет Валиханова и собранные во время поездки материалы с нетерпением ждали в Петербурге — как в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, так и в Военном министерстве. Ознакомившись с докладом, резюмирующим результаты экспедиции, император Александр II лично распорядился о производстве поручика Валиханова в штабс-ротмистры и награждении орденом св. Владимира IV степени (девиз которого был: «Польза, честь и слава»).

Подробно изложить свои наблюдения и соображения высшим чиновникам России, отвечающим за восточную политику империи; принять участие в составлении карт различных областей Восточного Туркестана, дотоле во множестве изобилующих «белыми пятнами»; наконец, лично получить высокую награду — таковы были первоочередные задачи, стоявшие перед 24-летним поручиком Валихановым, когда в феврале 1860 года поезд, которым он ехал из Москвы, подъезжал к дебаркадеру Николаевского вокзала, выходящего на Знаменскую площадь и набережную Лиговского канала (ныне площадь Восстания и Лиговский проспект). Но Чокан также с нетерпением ждал, пожалуй даже жаждал, встречи с Петербургом — культурным и научным центром России, средоточием ее общественной жизни. С этим городом он связывал надежды на осуществление своих личных амбициозных планов и надежд. И еще он предвкушал ряд встреч с дорогими его сердцу людьми...

Один из первых, если не самый первый, документально засвидетельствованный адрес Чокана Валиханова в Петербурге — известная еще с конца 60-х годов XVIII века и очень популярная среди приезжих гостиница «Демут», иначе именуемая «Демутовым трактиром». В свое время «у Демута» останавливались А. С. Пушкин, П. Я. Чаадаев, А. С. Грибоедов, А. Мицкевич, П. И. Пестель, А. И. Герцен, Ф. И. Тютчев и др. За год до поселения здесь Валиханова, в 1859 г., в «Демутовом трактире» жил прусский посланник, будущий «железный канцлер» Отто Бисмарк. Несколько позднее, в 1861 г., в период создания романа «Отцы и дети», — И. С. Тургенев. В пушкинское время адрес «Демуты трактира» значился по набережной Мойки (соврем. № 40), но позднее гостиница не однажды перестраивалась, расширялась, и в 1860-е годы ее главный фасад выходил на Бол. Конюшенную улицу, дом № 27 (хотя сохранялся и адрес по Мойке) (фото). В это время дом принадлежал статскому советнику А. С. Воронину, а гостиницу содержала его мать вдова надворного советника, купчиха 1-й гильдии Ек. И. Воронина. Сегодня на месте бывшего парадного подъезда гостиницы «Демут» вход в С.-Петербургский государственный театр эстрады им. Аркадия Райкина.

Можно предположить, что Валиханов поселился в «Демутовом трактире» не только потому, что эта гостиница отличалась, как указывали путеводители, «гостеприимством и услужливостью». Ее расположение было исключительно удобно, так как от нее можно было очень быстро, за десять-пятнадцать минут, и в придачу пешком, добраться и до Министерства иностранных дел, и до Военного министерства, — мест, где поручик Валиханов должен был регулярно бывать по делам службы, — и до штаб-квартиры Императорского Русского географического общества. (В этой связи отметим, что «у Демута» жили и некоторые другие лица, с которыми Чокан был связан служебными отношениями. Например, его хороший знакомый заведующий Азиатской частью департамента Генерального штаба полковник Дмитрий Ильич Романовский — будущий губернатор Туркестанской области.)

Как уже упомянуто выше, один из важнейших петербургских маршрутов Валиханова вел в Министерство иностранных дел, а более конкретно — в его Азиатский департамент, с докладом у директора которого, генерал-лейтенанта Егора Петровича Ковалевского, Чокан побывал сразу же по приезде в столицу. Азиатский

департамент МИД располагался в восточном крыле здания Главного штаба (левом, если смотреть со стороны Зимнего дворца), а окна кабинетов выходили и на Дворцовую площадь, и на набережную Мойки. Кроме Е. П. Ковалевского, поручик Валиханов был представлен также министру иностранных дел вице-канцлеру князю Александру Михайловичу Горчакову (однокашнику Пушкина по Царскосельскому лицей) и его товарищу (заместителю) графу Ивану Матвеевичу Толстому. Их кабинеты также располагались в здании Главного штаба. А в конце мая 1860 г., по ходатайству кн. Горчакова, штабс-ротмистр Валиханов высочайшим повелением был определен на службу в Азиатский департамент МИД. С этого времени знакомым путем через арку Главного штаба Чокан стал ходить в присутствие регулярно.

Впрочем, это утверждение требует оговорки. Оно распространяется на время, когда Валиханов квартировал в «Демутовом трактире». Но уже в августовском письме к отцу он указывает иной адрес: «Кавалерийское отделение Департамента Генштаба». Здесь требуются пояснения. Дело в том, что в приказе о назначении Валиханова в Азиатский департамент значилось: «с оставлением по армейской кавалерии». Став чиновником Министерства иностранных дел, Чокан продолжал числиться и по военному ведомству, фактически служил в двух местах. Причем служба в Военно-ученом комитете Генерального штаба забирала львиную часть его рабочего времени. Здесь в 1860–1861 гг. при непосредственном участии Валиханова велось составление карт Средней Азии и Восточного Туркестана и, в частности, были выполнены «Карта пространства между озером Балхашом и хребтом Алатау», «Рекогносцировка западной части Заилийского края», «План города Кульджи», «Карта к отчету о результатах экспедиции на Иссык-Куль», «Карта Западного края Китайской империи». Военно-ученый комитет входил в состав департамента Генерального штаба. Вот почему этот департамент Чокан указывает и в письме отцу, сообщая свой новый адрес. Размещался же департамент Генерального штаба в том же здании Главного штаба, что и Министерство иностранных дел, но — уже в его правом крыле, простирающемся от арки до начала Невского проспекта.

Кстати, числясь по военному ведомству, Валиханов, естественно, не однажды должен был бывать с докладами и в высоких кабинетах Военного министерства, которое размещалось в знаменитом треугольном здании, выходившем главным своим фасадом на Адмиралтейскую площадь (ныне Адмиралтейский просп., № 12), другим —

на начало Вознесенского проспекта, № 1, а третьим — на Исаакиевскую площадь, — постройки знаменитого архитектора А. А. Монферрана, более известном сегодня как «дом Лобанова-Ростовского» (по имени первого своего владельца в 1820-е гг.). Между прочим, в упомянутом письме отцу от 9 августа 1860 г. Чокан, называя среди других высокопоставленных особ, в том числе и товарища военного министра Д. А. Милютина, сообщает: «Со всеми этими людьми я близко знаком <...>. Бываю у них в гостях». Так что можно допустить, что штабс-ротмистр Валиханов не только являлся с докладами в служебный кабинет, но и посещал генерал-адъютанта Милютина частным образом — в его семейной квартире, в доме № 7 по Миллионной улице.

У нас также нет прямых документальных свидетельств, но не вызывает никаких сомнений, что Валиханов не однажды частно бывал в гостях и у директора Азиатского департамента генерал-лейтенанта Егора Петровича Ковалевского. Ковалевский жил на казенной квартире в доме Министерства иностранных дел на набережной Мойки, № 24. Местоположение дома было очень удобным: по дороге на службу в департамент, располагавшийся, как уже отмечено, в здании Главного штаба, окнами на ту же Мойку, надо было всего лишь перейти Певческий мост, идти до которого от квартиры директора было буквально «два шага». Егор Петрович был администратором нового времени, либералом по взглядам, демократом по характеру общения с подчиненными и просителями. «Славяне, персы, туркмены, греки, бухарцы, до тех пор знавшие только спину департаментского швейцара, — вспоминал современник, — смело и свободно шли в кабинет директора, вместо того, чтобы ожидать на морозе и дожде, когда он покажется, закутанный в шубу, и примет от них прошение, которое прочтет столоначальник». Так же широко открытой для самых разных посетителей была и собственная квартира Ковалевского. Другой современник свидетельствует, что, например, на именной раут, который Егор Петрович устраивал 23 апреля, в день своего небесного покровителя Георгия Победоносца, он «обыкновенно сзывает самое пестрое общество: от Чернышевского до министра иностранных дел Горчакова». Служивший под непосредственным началом Ковалевского, обласканный им и бывший как герой Кашгарской экспедиции исключительно популярным в петербургском обществе (Ковалевский назвал его Кашгарский отчет «гениальным»), штабс-ротмистр Валиханов просто не мог не бывать на подобных вечерах. И в частности, на упомянутых именинах Егора Петровича в 1860

и в 1861 г., где мог общаться как с тем же Н. Г. Чернышевским, философом П. Л. Лавровым, писателем И. А. Гончаровым, так и с братом именинника — министром народного просвещения Евграфом Петровичем Ковалевским.

Генерал-лейтенант Е. П. Ковалевский был не только высокопоставленным чиновником Министерства иностранных дел. Со дня основания в ноябре 1859 г. он также являлся председателем Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым (иначе именуемого «Литфонд»). Если и не он был инициатором, то, надо думать, Ковалевский горячо поддержал ходатайство Ф. М. Достоевского, который на заседании Комитета Литфонда предложил принять в члены Общества Чокана Чингисовича Валиханова (и одновременно своего младшего брата Николая). А когда это ходатайство было удовлетворено, то именно Ковалевский, как глава Литфонда, уведомил Чокана собственноручным письмом от 2 ноября 1860 г., в котором сообщал: «...в собрании Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым, бывшем 30 числа октября, по предложению Комитета общества, избраны Вы, милостивый государь, членом оною. <...> Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении и таковой же преданности. *Е. Ковалевский*». По заведенному обыкновению заседания Комитета Литфонда проходили, как правило, на квартире его председателя. Значит, и это коллегиальное решение, согласно которому Ч. Валиханов становился членом авторитетной организации российских литераторов, было принято в доме на набережной Мойки, № 24.

С первых же месяцев после своего возникновения Литфонд развернул активную деятельность по проведению литературных утренников и вечеров, где выступали известные поэты, писатели, ученые, музыканты. Можно предположить, что Валиханов не однажды бывал на таких вечерах, в которых принимали участие его друзья Достоевский, Полонский, Майков, Крестовский, братья Курочкины и др. Одно из мероприятий Литфонда, организованных вскоре после приезда Валиханова в Петербург, на котором Чокан должен был присутствовать непременно, биографы казахского просветителя выделяют особо. Тем более что и проходило оно неподалеку от «Демутова трактира» — также на **набережной Мойки**, но по другую сторону Невского проспекта, в доме **№ 63 (соврем. № 61), в зале М. Ф. Руадзе** — популярном месте общественных собраний начала 1860-х гг. 14 апреля силами любителей здесь ставился спектакль по

комедии Н. В. Гоголя «Ревизор». «Любителями», игравшими в бессмертной комедии, были известнейшие русские литераторы — Достоевский, Тургенев, Некрасов, Писемский, Панаев, Дружинин, Григорович, Майков... По свидетельству современника, «если бы зала Руадзе была вдвое больше, то и тогда она, вероятно, не вместила бы всех желающих быть на спектакле» (а в зале этой легко размещалась тысяча человек). Мог ли Чокан, именно в это время жадно знакомящийся с литературной жизнью столицы, пропустить такую необыкновенную постановку «Ревизора», где его друг Достоевский исполнял роль почтмейстера Шпекина, а другой близкий знакомый, поэт Аполлон Майков — одного из купцов, пришедших к Хлестакову с жалобой на городничего!

3 и 4 мая 1860 г. в петербургских газетах было напечатано объявление: «Гг. Члены Императорского Русского Географического Общества приглашаются в обыкновенное собрание Общества, имеющее быть в Среду, 4 Мая, в 7 ½ часов пополудни, в квартире Общества близ Певческого моста, в доме Утина, бывшем Пуциных. / В этом собрании Действительный Член Валиханов сообщит свои заметки о путешествии в Малую Бухарию...» (*объявление «Русский инвалид», 1860, 4 мая, №95*). Штаб-квартира Русского географического общества в 1860-е гг. находилась, как и указано в сообщении, в трехэтажном особняке купца 1-й гильдии коммерции советника И. О. Утина на набережной Мойки, в доме № 12 (соврем. № 14), рядом с известным всей России «домом Волконской», где была последняя квартира А. С. Пушкина, и где после роковой дуэли на Черной речке поэт скончался 29 января 1837 г. Однако и дом Утина имеет к имени Пушкина самое непосредственное отношение. До конца 1850-х гг. (что также отмечено в газетном объявлении) этот дом принадлежал семье Пуциных. Здесь, в доме деда, адмирала П. И. Пуцина, родился и жил вплоть до ареста в декабре 1825 г. ближайший лицейский товарищ поэта — Иван Иванович Пуцин. Пушкин бывал в этом доме не однажды, в том числе в день лицейской годовщины 19 октября 1818 г. Каким-то удивительным образом, начиная с «Демутова трактира», «пушкинский след» сопровождает Чокана Валиханова в первые дни его пребывания в Петербурге.

В газетном сообщении заседание Географического общества названо «обыкновенным», то есть рядовым. На самом деле это было не так. Достаточно указать, что идея доклада о Малой Бухарии в РГО была подсказана самим министром иностранных дел канцлером А. М. Горчаковым, после того как он ознакомился с

отчетом Валиханова о Кашгарской экспедиции. Укажем и на то, что в заседании 4 мая с сообщением «о древнейших обитателях Европы» также выступал один из отцов-основателей и почетный член Общества 68-летний академик Карл Бэр (*фото Бэра*). Однако его выступление было поставлено вторым, и газетные отчеты извещали о нем после сообщения о выступлении Валиханова. Необычен был и сам докладчик — 24-летний казах, который, однако, еще три с лишним года назад, в феврале 1857 г., по ходатайству знаменитого путешественника и ученого-географа Петра Петровича Семенова (будущего Семенова-Тян-Шанского) был заочно избран Действительным членом РГО. Так высоко членами Общества были оценены результаты его поездок в Кульджу и на Иссык-Куль. Что уж говорить об интересе к экспедиции в Кашгар — области в центральной Азии, о которой европейской науке было практически ничего не известно! К тому же это путешествие было не только научным, но и просто человеческим подвигом поручика Валиханова (проникнуть в закрытую для европейцев страну значило подвергнуться смертельной опасности: так, за год до Чокана своей жизнью поплатился известный немецкий географ Адольф Шлагинтвейт — его публично обезглавил ходжа, правивший тогда в Кашгаре). В придачу этот европейски образованный, прекрасно говоривший по-русски и на нескольких других языках офицер-казак был султаном, правнуком знаменитого хана Средней орды Аблая!

Необычна была также в этот день и аудитория в доме на набережной Мойки: наряду с известными географами, этнографами, историками, востоковедами в зале сидели и высокопоставленные офицеры генерального штаба — экспедиция Валиханова имела не только научное, но и военно-стратегическое значение. Находился в зале и Федор Михайлович Достоевский. Вряд ли большинство присутствовавших знали о дружбе докладчика и знаменитого романиста. Но смысловая ассоциация, наверное, возникала в сознании у многих: и Достоевский, недавно приступивший к печатанию «Записок из Мертвого дома», и Валиханов открывали для них *terra incognita* — один неведомый мир каторги, другой — также неведомый мир экзотического Кашгара.

На заседаниях Русского географического общества Чокан Валиханов выступал не однажды. Известно, что по инициативе академика Бэра незадолго до своего отъезда из Петербурга он прочел в доме на набережной Мойки сообщение о словесности кочевых народов, о взаимосвязи их языка с русским. Любопытно, что еще при первом своем появлении в РГО Чокан намеревался поставить вопрос о принятии в Общество своего отца. В его архиве сохранился датированный 3 мая 1860 г. черновик ходатайства, в котором отмечалось, что полковник Валиханов «предлагает свои услуги Обществу по

собранию этнографических сведений», «почему считаем полезным предложить <...> избрать его Действительным Членом». Однако было ли это ходатайство представлено официально, рассматривалось ли оно общим собранием РГО и каков был результат, мы не знаем.

Надо думать, что в самые первые дни после своего приезда в столицу, Чокан обязательно побывал в Санкт-Петербургском училище глухонемых, куда еще пять лет назад, в 1855 г., отец поместил его младшего брата Абилямкыжана, который на седьмом году жизни вдруг утратил слух и речь и мог без специального обучения просто остановиться в своем развитии. Училище располагалось на Гороховой улице, в доме № 18, у Красного моста через Мойку, в здании Императорского Воспитательного дома (где ныне размещается 20-й корпус Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена). Оно было учреждено в 1810 г. по инициативе императрицы Марии Федоровны. Это был первый в России опыт воспитания и обучения глухонемых детей. В училище принимали мальчиков и девочек в возрасте от семи до двенадцати лет, выпускали по достижении семнадцати. Маки оставалось учиться еще несколько лет. За время пребывания в Петербурге Абилямкыжан Валиханов, как он сам писал в одном из документов, «был обставлен русской жизнью во всех ее видах, сроднился с ней, полюбил ее душой и сердцем». Единственное, чего ему не хватало в российской столице, — просторов родной Степи.

Первая встреча братьев должна была быть очень трогательной, хотя разница в возрасте между ними была десять лет: пятнадцатый год — Маки, двадцать пятый — Чокану. Кроме жарких объятий, общались братья с помощью «разговорной тетради»: Маки записывал карандашом вопросы — об отце, матери, родственниках, знакомых; Чокан тем же карандашом вписывал краткие ответы... Большой близости между братьями Валихановыми во время их общения в Петербурге не возникло: мешала и разница в возрасте, и занятость Чокана по службе, его увлеченность научными и литературными интересами. Тем не менее, есть основания предполагать, что не без ходатайства старшего брата, у которого были общие знакомые с товарищем (заместителем) президента Императорской Академии художеств, знаменитым скульптором и живописцем Федором Петровичем Толстым, Абилямкыжан, с детства обнаруживший незаурядные художественные способности, смог посещать мастерские Академии (позднее он проявит себя в прикладном искусстве и особенно отличится в изготовлении нарядных деревянных шкатулок с хитроумными потайными ящичками).

Время от времени Маки навещал старшего брата во время своих выходов в город (об одном таком визите будет упомянуто ниже), и Чокан, несмотря на всю свою занятость, еще не однажды появлялся в Училище на Гороховой улице. Приезжал он сюда и перед отъездом из Петербурга — прощаться с Маки. Как оказалось — навсегда. Окончив училище в 1864 г., Абилямакыжан около двух лет проработает в губернском управлении в Петербурге и вернется на родину в 1866 г., уже после смерти старшего брата.

Особая страница пребывания Чокана Валиханова в Петербурге — его дружеское общение с великим русским писателем Федором Михайловичем Достоевским. Они познакомились еще в Сибири, в Омске, в январе – феврале 1854 года, когда Достоевский только что отбыл срок четырехлетней каторги и перед отправкой в Семипалатинск, где должен был «бессрочно» тянуть солдатскую лямку, почти на месяц задержался в гостеприимном доме своего товарища по Инженерному училищу поручика Константина Иванова, служившего адъютантом начальника инженеров Отдельного сибирского корпуса. Здесь жена Иванова, Ольга Ивановна, дочь декабриста Анненкова, и познакомила Достоевского с часто бывавшим у них в гостях восемнадцатилетним корнетом Валихановым, совсем недавно выпущенным из Сибирского кадетского корпуса и назначенным личным адъютантом всесильного генерал-губернатора Г. Х. Гасфорта. Затем Достоевский и Валиханов несколько раз встречались в Семипалатинске, где на память об одной из этих встреч в салоне фотографа С. Лейбина была сделана фотография, воспроизводимая в нашем издании.

Между ссыльным писателем и юным офицером-казахом с первой же встречи возникла взаимная симпатия. «Вы пишете мне, что меня любите. А я Вам объявляю без церемонии, что я в Вас влюбился. Я никогда ни к кому, даже не исключая родного брата, не чувствовал такого влечения, как к Вам...» — писал Достоевский Чокану в декабре 1856 г. И еще из этого же письма: «...не великая ли цель, не святое ли дело быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время служить своей родине *просвященным* ходатайством за нее у русских. Вспомните, что Вы первый киргиз — образованный по-европейски вполне...». В этих строках Достоевского, обращенных к юноше, которому недавно минуло двадцать лет, лаконично намечена емкая программа жизни и деятельности, которую великий казахский просветитель Чокан Валиханов по

максимуму осуществил в те короткие годы, которые отмерила ему судьба. Петербургский период его биографии — один из важнейших этапов осуществления этой программы.

Летом 1859 г. Достоевский и Валиханов еще раз встретились в Омске, куда писатель заехал, возвращаясь из сибирской ссылки. Чокан тогда уже готовился к поездке в Петербург с отчетом о Кашгарской экспедиции. Достоевский же, которому было позволено поселиться лишь в Твери, еще только мечтал о разрешении жить в столице. Такое разрешение было получено, и к середине февраля 1860 г., когда поручик Валиханов прибыл в столицу империи, Достоевский уже почти два месяца как возвратился на постоянное жительство в Петербург. Когда, при каких обстоятельствах они встретились, неизвестно. Возможно, о том, что Достоевский уже переехал из Твери, Валиханову сообщил его непосредственный начальник генерал Е. П. Ковалевский, который, как отмечалось, одновременно являлся и председателем Литфонда. Достоевский в это время жил в **доме Н. А. Палибина в 3-й Роте Измайловского полка (соврем. адрес: 3-я Красноармейская ул., дом № 5)**. И с первой же встречи Чокан стал постоянным посетителем этого дома. С женой писателя, Марией Дмитриевной, он познакомился еще в Семипалатинске. Теперь Достоевский знакомит сибирского друга со своим старшим братом Михаилом, вводит в круг петербургских литераторов.

В 1860 г. братья Достоевские еще только планировали издание собственного журнала — «Время», вокруг редакции которого в скором будущем объединятся близкие к ним писатели, поэты, критики. Пока же они сами являются участниками литературных кружков, существующих при редакциях таких журналов, как «Русское слово» и «Светоч». В **доме на Гагаринской ул., № 1**, принадлежавшем издателю журнала «Русское слово» Г. А. Кушелеву-Безбородко, в 1860 г. можно было встретить поэтов Л. А. Мея, Д. Д. Минаева, П. И. Вейнберга, фольклориста П. И. Якушкина, писателя А. Ф. Писемского, позднее — Г. Е. Благодетель и Д. И. Писарева. В кружок, собиравшийся в доме редактора «Светоча» А. П. Милюкова, жившего в доме С. Яковса на **Офицерской ул., № 5**, входили поэты А. Н. Майков, В. В. Крестовский, писатели А. А. Чумиков, В. Д. Яковлев, критик Н. Н. Страхов и др. Можно предположить, что, благодаря Достоевскому (а также студенту Г. Н. Потанину — товарищу Чокана по Сибирскому кадетскому корпусу, будущему известному этнографу, который был

близок к редакции «Русского слова»), Валиханов не однажды бывал на собраниях этих кружков и познакомился со многими из названных литераторов.

Когда же в конце 1860 г. в доме А. А. Астафьевой на Мал. Мещанской ул., № 1, где жил Михаил Достоевский, регулярно, по воскресеньям, начинает собираться редакционный кружок журнала «Время», куда входят те же Майков, Страхов, Полонский, Мей, Крестовский, Милюков, Минаев, а также Ап. Григорьев, Д. В. Аверкиев, Пл. Кусков и др., Валиханов, несомненно, становится среди них «своим» человеком. В его архиве сохранилась очень выразительная в этом отношении записка поэта Всеволода Крестовского, которая заканчивается словами: «Будь завтра у М. Достоевского, наши будут». Кто эти наши, можно установить по позднейшим письмам Чокана из Кокчетова в Петербург, в одном из которых он пишет Достоевскому: «Кланяйся Мих. Мих., Николаю (братья М. М. и Н. М. Достоевские. — *Сост.*) и всем нашим. Майкову и его жене передай мой усердный поклон. Полонскому, Страхову тоже». Тут же просит: «Вышли мне свою фотографическую карточку и собери то же самое со всех моих хороших знакомых, которые мне обещали, — Майков, Полонский, Крестовский».

Вряд ли можно утвердительно сказать, что молодой казах не только встречался с «нашими» на редакционных вечерах в домах Михаила и Федора Достоевских, но и непременно бывал в гостях у каждого из них. Тем не менее, упомянуть адреса литераторов, с которыми он дружески сошелся в кружке журнала «Время», освещая тему «Чокан Валиханов в Петербурге», представляется целесообразным. Поскольку Валиханов передает в письмах приветы также и жене А. Н. Майкова, Анне Ивановне, можно заключить, что он не однажды бывал у Майковых дома — в доме Е. Куканова на Садовой ул., № 49 (соврем. № 51). Неподалеку от Майковых жил и Аполлон Григорьев, квартировавший на Вознесенском проспекте, в доме Соболевской, № 49, и Я. П. Полонский, который осенью 1859 г. поселился на Бол. Подъяческой ул., в доме Н. Гетте, № 36 (а с лета 1860 г. жил на казенной квартире Комитета иностранной цензуры в здании Университета на Васильевском острове).

Как можно судить из приведенных выше свидетельств, теплые отношения сложились у Валиханова с юным поэтом (а позднее и романистом, автором знаменитых

«Петербургских трущоб») Всеволодом Крестовским. Сибирские друзья Чокана Г. Н. Потанин и Н. М. Ядринцев критически отзываются в своих воспоминаниях о характере отношений Валиханова и Крестовского — их явно коробят богемный образ жизни, фривольность поведения, «гусарские разговоры». Надо думать, что в этих оценках сгущены краски, но, с другой стороны, нельзя забывать, что речь идет об очень молодых людях: Чокану в это время было 25 лет, Всеволоду — 21. «Рахметовский ригоризм» демократа Потанина чужд сердцу юношей: поэзия, любовь, вино — вот область их увлечений. Н. М. Ядринцев свидетельствует, что Чокан «во время гусарских разговоров» давал Крестовскому «шутя темы для его испанских стихотворений, а сей поэт, питаясь крохами его остроумия, немедленно строчил свои романсы». Речь здесь идет о наделавшем много шума стихотворении Вс. Крестовского «Гитана» (из цикла «Испанские мотивы»), опубликованном в одном из сентябрьских выпусков газеты «Русский мир» за 1860 г., сюжет которого возник, когда молодые друзья пировали на квартире Чокана. Героиня стихотворения — гитана, испанская цыганка, в дверь которой однажды «стукнул нищий». Но у нее самой «нет ни денег, нет ни хлеба», чтобы подать бедняку. Соль стихотворения — в решении, которое находит гитана в этой ситуации:

И в кипучее лобзанье
Я всю страсть мою слила —
И бедняге подаюнье
Грешным телом подала.

Конечно же, для 1860-х годов подобные поэтические вольности были настоящим литературным скандалом!

Но было бы опрометчиво судить о характере времяпрепровождения Валиханова в Петербурге по критическим высказываниям Ядринцева и Потанина да по поэтическим шалостям, к которым Чокан оказывался причастным, проводя часы отдыха в кругу литературной молодежи. Наоборот, при ближайшем рассмотрении поражает его колоссальная работоспособность в те пятнадцать месяцев, которые ему суждено было провести в российской столице. Выше мы уже вели речь о его служебной деятельности в Азиатском департаменте и Военно-ученом комитете Генерального штаба. Не менее времени и сил Валиханов отдавал и своим научным занятиям.

Буквально десять минут пешком от здания Главного штаба, где Валиханов, как указано выше, и жил, и работал, — через Дворцовую площадь и далее по тогда еще наплавному Дворцовому мосту (а зимой прямо по льду замерзшей реки) на

Васильевский остров — и вот Чокан уже оказывался на набережной Большой Невы, как тогда называлась нынешняя Университетская набережная, где стояли (и стоят донные) здания Кунсткамеры, Императорской Академии наук и Санкт-Петербургского университета.

Валиханов регулярно и с огромным удовольствием наведывался в **Кунсткамеру** (соврем. адрес: Университетская наб., № 3), но не только и не столько ради того, чтобы полюбоваться «диковинными вещами», экспонатами этнографической коллекции музея: главным для него было то, что в западном (левом, если смотреть со стороны Невы) крыле этого здания располагалась **библиотека Петербургской Академии наук**. Книги — вот та пища, без которой Чокан не мог существовать ни дня. А в богатейшем фонде библиотеки Академии наук он находил редкие книги, необходимые ему и для работы, и просто для души. Как указывают биографы Валиханова, он был в добрых отношениях с библиотекарем I отделения библиотеки Академии наук Аристом Аристовичем Куником.

Чокан знал хорошо не только восточные языки, он также читал книги на различных европейских языках: французском, немецком и английском. Изучал латынь. Некоторые книги из библиотеки он брал на дом. Однажды Валиханов обнаружил пропажу шести книг. Как оказалось, его младший брат Макыжан, побывав на квартире у Чокана, унес их к себе, в Училище глухонемых. К счастью, инцидент благополучно разрешился, о чем Валиханов позднее напишет родителям: «Спасибо его учителю Васильеву, который обнаружил у него книги, вернул мне, тем самым он выручил меня из большой беды».

Заметим, что Кунсткамера, основанную в 1714 г. на основе личных коллекций Петра I и с 1727 г. размещавшуюся в специально для нее выстроенном доме на набережной Невы, Чокан Валиханов в 1860-е гг. видел несколько иной, чем она выглядит сегодня или на старинных гравюрах. Дело в том, что верхний ярус центральной башни, увенчанной сферой, сгорел еще в середине XVIII в., и восстановлен он был лишь в XX в., спустя 200 лет после пожара.

Настоящей сокровищницей для Валиханова стал **Азиатский музей Императорской Академии наук** — собрание восточных рукописей музея являло собой гордость просвещенных кругов столицы. Музей был создан в 1818 г. на основе коллекции восточных рукописей, еще с петровских времен собиравшихся в так называемом Восточном кабинете Кунсткамеры. Именно Петр Великий обратил внимание на необходимость изучения Востока. В течение полутора столетий дипломатам, торговым

агентам, российским представительствам за рубежом «высочайше» предписывалось покупать книги, «на восточных языках писанные». В начале 1830-х годов Азиатский музей переехал из здания Кунсткамеры в музейный флигель Академии наук — ту его часть, что выходила на существовавшую до 1900-х гг. Коллежскую площадь (сейчас в этом здании на **Менделеевской линии, д.1**, находится издательство «Наука»). В этом помещении Азиатский музей будет размещаться до 1902 г., а затем его переведут в академический флигель со стороны Таможенного переулка.

В середине XIX в. Азиатский музей был крупнейшим государственным центром хранения и изучения восточных рукописей, который гарантировал сохранность этих бесценных сокровищ и «пользование ими для научных и практических целей». Персонал Музея в эти годы состоял всего из двух человек: директорский пост занимал Борис Андреевич Дорн — выдающийся востоковед, первый из европейских ученых исследователь языков Афганистана. Хранителем же рукописей служил Петр Иванович Лерх, блестящий знаток словесности и истории мусульманского Востока, бескорыстный труженик науки. В его лице Валиханов нашел не только ученого-коллегу, но и надежного друга, которому бесконечно доверял.

У Валиханова и Лерха, бесспорно, было много общих тем для разговоров: сферы их интересов существенно пересекались. В мае-декабре 1858 г. П. И. Лерх сопровождал знаменитое посольство полковника Н. П. Игнатьева в Хиву и Бухару. По окончании посольской миссии Лерх испросил у Академии наук, где он довольствовался скромной должностью протоколиста, согласия на поездку до конца марта 1859 г. в Оренбургский край — «для изучения киргизского (казахского) и башкирского наречий». Согласие последовало, и Лерх три месяца провел в Оренбургских степях.

Несомненно, во время этой экспедиции он общался с В. В. Григорьевым, известным востоковедом, который состоял тогда в должности управляющего областью Оренбургских киргизов (казахов), а в апреле 1859 г., уже в Петербурге, они оба участвовали в заседании восточного отделения Императорского археологического общества.

В марте 1860 г. Григорьев в очередной раз приезжал из Оренбурга в Петербург. Валиханов в августе напишет родителям: «...завел тесную дружбу с губернатором Области оренбургских казахов Григорьевым, когда он был зимой в Петербурге. Он часто бывал у меня». Можно предположить, что Чокан также не однажды бывал в

гостях у Григорьева, который поселился на Васильевском острове, неподалеку от Тучкова моста, в **Волховском переулке, в доме купцов Красильниковых, № 6**. Сохранилась записка Григорьева, обращенная к Валиханову и свидетельствующая о том, что они действительно тесно общались в Петербурге, в том числе — в самых высоких кругах. «Был у вас с визитом, — пишет Григорьев. — Это одно, а второе то, что обер-прокурор Святейшего синода граф Александр Петрович Толстой желает с Вами познакомиться и просит Вас к себе обедать завтра в 4 часа. Если Вы свободны и не прочь съездить к графу, так завтра в три с половиной часа я заеду за Вами». Если этот визит состоялся, а у нас есть для этого достаточные основания, то можно заключить, что Чокан Валиханов побывал в доме на **Невском проспекте, № 57 (соврем. № 59)**, в котором располагалась канцелярия обер-прокурора св. Синода и где была казенная квартира графа А. П. Толстого.

Скорее всего, именно В. В. Григорьев, принимавший в Валиханове заинтересованное участие, и привел его к П. И. Лерху в здание Академии наук. Азиатский музей, с его богатейшей коллекцией восточных рукописей, должен был произвести на молодого ученого неизгладимое впечатление. Понимая значимость этого собрания, Валиханов счел за честь передать в Азиатский музей редкую рукопись — сборник персидской поэзии, а также монеты, которые привез из своего знаменитого путешествия в Кашгар.

13 апреля 1860 г. в **здании С.-Петербургской Академии наук** состоялось заседание историко-филологического отделения. Об этом нам известно из бюллетеня Императорской Академии наук, который выходил на французском языке, где можно прочесть: «Г-н Вельяминов-Зернов представил от имени г-на Валиханова, офицера российской армии, 18 восточных монет и персидскую рукопись дивана Хакани, пожертвованные Академии для ее Азиатского музея».

В. В. Вельяминов-Зернов, крупнейший специалист по источниковедению и нумизматике Средней Азии, Казахстана и Поволжья, отметил, что «труды Хакани, представляющие огромную ценность для освещения истории Ширваншахов, весьма редки и отсутствуют в музее». Академик дал подробное описание некоторых наиболее интересных монет, переданных музею Валихановым. Заседание постановило «опубликовать заметку г-на Вельяминова-Зернова в Бюллетене, а г-на Валиханова

благодарить от имени Академии за его дары, сделанные Азиатскому музею» (бюллетень на фр.яз., фото Вельяминов-Зернов).

Естественно, посещал Валиханов и Санкт-Петербургский Университет, который с 1835 г. размещался в здании Двенадцати коллегий, находящемся все на той же Университетской наб. (№ 7), в непосредственной близости от Кунсткамеры и Академии наук. В своих воспоминаниях Г. Н. Потанин вновь критически замечает, что Чокан появлялся в Университете лишь «на модных тогда лекциях Костомарова и некоторых других профессоров», а также что «на Восточный факультет Чокан не заглядывал». Однако это не совсем так. Ч. Валиханов, конечно же, бывал на Восточном факультете, — но принимали его здесь не как студента-слушателя, а как ученого-коллегу.

С И. Н. Березиным, ординарным профессором кафедры турецко-татарской словесности, Валиханов был знаком еще в те времена, когда Илья Николаевич работал в Казанском университете. Знакомство это состоялось благодаря бывшему наставнику Чокана по Сибирскому кадетскому корпусу — Н. Ф. Костылецкому. Тогда по просьбе Николая Федоровича юный Чокан, еще учась в кадетском корпусе, записал вместе с отцом в Кушмурунской степи известную поэму «Козы-Корпеш и Баян-сулу», которую его учитель переложил на русский язык и в 1851 г. переслал в письме Березину. А когда Березину в 1852 г. понадобилась помощь в толковании некоторых терминов, встречающихся в ханских ярлыках, Костылецкий направил вопросы профессора Казанского университета своему недавнему ученику Валиханову. Для Чокана это была первая серьезная проба сил. Он не только расшифровал целый ряд названий и терминов, но уточнил некоторые тюркские слова и выражения и даже дал им новое толкование. Березин по достоинству оценил работу, сделанную начинающим ученым, и, безусловно, был очень рад встретить своего молодого коллегу спустя несколько лет в столице.

В 1860 г. в Петербурге шла подготовка к изданию первого тома «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами» под редакцией А. А. Краевского. Профессор И. Н. Березин заведовал редакцией истории и литературы Востока: он привлек к работе над «лексиконом» своих коллег из Университета. В списке авторов востоковедческих статей можно увидеть имена профессоров и доцентов факультета Восточных языков: В. П. Васильева, К. А. Косовича, А. О. Мухлинского, Д. А. Хвольсона. В этом же списке стоит и имя Чокана Валиханова. По поручению И. Н. Березина Валиханов написал статью о своем прославленном прадеде — владетельном хане Средней орды Аблае. Статья получилась

развернутой (на четыре страницы), при написании ее Валиханов в основном опирался на капитальный трехтомный труд, изданный в 1832 г. историком А. И. Левшиным, которого он называл «Геродотом нашего народа».

Хорошие отношения складывались у Валиханова и с другими профессорами и преподавателями Восточного факультета: монголистами Галсаном Гомбоевым, К.Ф.Голстунским и А.В.Поповым, китаистом В.П.Васильевым, тюркологом Хусаином Фаизхановым. Вращаясь в кругу выдающихся ученых-востоковедов, он заряжался новыми идеями и планами.

Следует отметить, что русское востоковедение того времени невозможно было представить без научной деятельности отделения Восточной археологии этого Общества: ученые-ориенталисты регулярно выступали с сообщениями на заседаниях, и все значительные труды по востоковедению печатались именно в «Известиях Восточного отделения Императорского Археологического общества». Заседания общества обычно проходили «в казенном доме № 48 на Литейной, против сада графа Шереметева» (соврем. адрес: Литейный просп., дом № 46). Вполне возможно, что Валиханов тоже приходил на эти заседания, чтобы послушать коллег-востоковедов, тем более что со многими из них он близко дружил.

В процессе работы над темой «Валиханов в Петербурге» неожиданно всплыло имя человека, о котором никогда прежде в этой связи не упоминалось. В рукописном отделе Пушкинского дома, среди бумаг известного путешественника и специалиста по Востоку П. И. Пашино, хранится письмо, написанное семнадцатилетним Макыжаном Валихановым. Юноша обращается к Петру Ивановичу с просьбой одолжить 6 рублей «по случаю завтрашнего числа дня моего рождения» и обещает вернуть тотчас «по получении от моего родителя денег». Совершенно очевидно, что с подобной деликатной просьбой обращаются только к очень близким людям. Можно заключить, что Чокан дружил с Пашино и поручил другу опекать младшего брата после своего отъезда (письмо Макыжана датировано августом 1863 г.).

Валиханов должен был познакомиться с П. И. Пашино в Азиатском департаменте МИДа, где молодой человек (он был на год моложе Чокана) числился драгоманом (переводчиком). Кандидат восточной словесности, Петр Пашино был одним из самых способных студентов первого выпуска факультета Восточных языков. И то, что И. Н. Березин именно ему поручил написать несколько статей для «Энциклопедического словаря...» — не случайность. Профессор обратил внимание на Пашино еще в то время, когда тот учился в Казанской гимназии. Восхитившись переводческим даром 15-

летнего гимназиста, известный ученый предложил ему перевести отрывок из хрестоматии Халфина и поместил перевод в «Казанских губернских ведомостях».

Небольшое жалованье в Азиатском департаменте заставляло Петра Пашино искать дополнительный заработок: им стал литературный труд. Он — издатель, редактор и сотрудник уличного листка «Потеха», составляет сочинения для студентов — офицеров Генерального штаба, пишет статьи в журнал «Лесоводство и охота», куда он попал благодаря своему знакомству с известным литератором Н. В. Шелгуновым, который был тогда подполковником корпуса лесничих. В Петербурге Пашино жил в одном с ним доме на Екатерингофском проспекте, у Аларчина моста (соврем. адрес: **просп. Римского-Корсакова, д. № 65**). Н. В. Шелгунов и его близкий друг, поэт М. Л. Михайлов внимательно и сердечно отнеслись к молодому Пашино. Михайлов поручал ему переводы народных песен и сказаний с башкирского. Его приглашали на литературные вечера редакции «Русского слова», — те самые, где вместе с братьями Достоевскими или своим сибирским другом Потаниным мог бывать и Валиханов. Таким образом, пути Чокана и Петра Пашино пересекались не однажды.

К сожалению, адреса ряда востоковедов, с которыми общался Валиханов в Петербурге, у которых достоверно бывал в гостях, остаются нам неизвестными. Адреса других мы знаем применительно к более позднему времени, когда Чокана уже не было в Петербурге. Тем не менее, нельзя исключать, что эти адреса были теми же и в 1860–1861 гг. Поэтому перечислим и их как материал на перспективу, еще ждущий своей разработки.

Так, Хусаин Фаизханов в письме Валиханову от 22 октября 1863 г. сообщает свой адрес: **Невский пр., дом Бенардаки, № 84, кв. 63**. Согласно справочникам середины 1860-х гг., Владимир Владимирович Вельяминов-Зернов жил во **2-й Линии Васильевского острова, в доме № 15 (соврем. № 13 / 6), кв. № 12**. Петр Иванович Лерх — на **Литейном проспекте, в доме № 13, кв. № 33**. Александр Касимович Казем-Бек — также **на Литейном, в доме № 42, кв. № 4**. Василий Павлович Васильев — **на Торговой улице, в доме № 9**.

Коллекции Азиатского музея, книжные фонды библиотеки Академии наук, общение с петербургскими востоковедами – все это было той питательной средой, вне которой Валиханов не мог бы так плодотворно трудиться над собственными научными изысканиями. А сделанное им на этом поприще за год пребывания в Петербурге впечатляет. Мы уже упоминали его статью о хане Аблае для «Энциклопедического

словаря...» В 1860 г. также вышел в свет подготовленный П. П. Семеновым при деятельном участии Валиханова третий том фундаментальной монографии Карла Риттера «Землеведение» — «Алтайско-саянская горная система в пределах Российской империи и по Китайской границе». Одновременно Чокан готовит к изданию «Очерки Джунгарии», которые в начале 1861 г. будут опубликованы в «Записках Императорского Русского Географического общества». Вслед за ними в тех же «Записках...» появится продолжение его описания путешествия в Кашгар: «О состоянии Алтышара или шести восточных городов Китайской провинции Нань-лу (Малой Бухарии)».

Кстати, редактором этих номеров «Записок...» был замечательный русский ученый-ботаник Андрей Николаевич Бекетов, друг Достоевского еще с 1840-х гг. Совместная работа по подготовке публикаций привела к сближению Валиханова и Бекетова, и Чокан не однажды бывал в доме ученого на **11-й Линии Васильевского о-ва, № 10**, где познакомился также с его женой — Елизаветой Григорьевной, дочерью путешественника и естествоиспытателя Г. С. Карелина, в будущем — бабушкой поэта Александра Блока. Биографы Валиханова не исключают, что в последние месяцы жизни в Петербурге Валиханов в доме Бекетовых мог встретиться и с Д. И. Менделеевым, в феврале 1861 г. вернувшимся из Германии в Россию. С Дмитрием Менделеевым Чокан был знаком еще по Омску, куда тот приезжал навестить свою старшую сестру Е. И. Капустину. Возможно, Валиханов бывал в гостях и у Менделеева, поселившегося по приезду на **Большом проспекте Петербургской стороны, в доме М. Т. Семенова, № 8 (соврем. № 10)**.

Известно, что Чокан часто бывал на собраниях петербургского сибирского землячества, объединившегося вокруг фигур Г. Н. Потанина и Н. М. Ядринцева. Это важная страница петербургского периода биографии Валиханова. Судя по письму Ф.Н.Усову от 27 октября 1859, у Потанина был адрес: **Васильевский остров, 3-я линия, на углу Большого пр., дом Юнкера, кв. 27**. А в письме от 1 октября 1860 г. Потанин уже пишет: **на Васильевском остр., 3-я линия, дом Кривоногова 40, кв.4**. Можно предположить, что именно по этим адресам и проходили встречи сибиряков, на которых мог присутствовать Чокан Валиханов.

Был на Васильевском острове и еще один дом, в котором Чокан обязательно должен был побывать перед своим отъездом из Петербурга. В столицу, напомним еще раз, он

был командирован из Омска с отчетом о своей экспедиции в Кашгар. И в Министерстве иностранных дел, и в Военном министерстве, и в Зимнем дворце его прежде всего принимали как героя этого рискованного и в высшей степени результативно завершившегося путешествия. Поэтому немаловажно напомнить, что инициатором поездки в Кашгар, убедившим генерал-губернатора Гасфорта послать туда Валиханова, был великий русский путешественник, географ Петр Петрович Семенов. И сама идея Кашгарской экспедиции, ставшей для Валиханова судьбоносной, судя по всему, возникла в ходе бесед Чокана с Семеновым в Семипалатинске, где они встретились и познакомились в первых числах ноября 1856 г. Семенов же рекомендовал Гасфорту командировать Валиханова после возвращения из Кашгара в Петербург — «для разработки превосходных, уже собранных им этнографических и исторических материалов о Киргизской степи». Сам П. П. Семенов вернулся из Сибири в Петербург осенью 1857 г., и когда через два с половиной года Валиханов ехал в столицу, то очевидно, что наряду с братом Маки и Достоевским, может быть, больше всего он ждал встречи с Петром Петровичем. И, пожалуй, действительно никто в Петербурге не расспрашивал Чокана о Кашгаре так заинтересованно и одновременно с таким пониманием дела, как Семенов!

К сожалению, мы не знаем петербургского адреса П. П. Семенова 1860 года. А ведь Валиханов несомненно неоднократно бывал в гостях у своего старшего друга. Но в 1861 г. Петр Петрович женился на Е. А. Заблоцкой-Десятовской и после состоявшейся 12 мая свадьбы поселился в доме своего тестя, известного ученого-экономиста, активного деятеля Литфонда и Русского Географического общества, А. П. Заблоцкого-Десятовского (в квартире второго этажа, окнами на улицу). Это произошло за десять дней до отъезда Валиханова из Петербурга. Чокан возвращался в Степь, и он просто не мог не прийти проститься с Семеновым, получить его напутствие, а может быть, и конкретные поручения... Так что и трехэтажный **дом Заблоцкого-Десятовского в 8-й Линии, № 39** также должен быть упомянут при освещении темы Чокан Валиханов в Петербурге.

Петербургский период являет собой яркую страницу в биографии Валиханова. Это было время, наполненное интересными событиями, любимой работой, дружеским общением. Уезжая, Чокан надеялся, что ненадолго покидает столицу — лишь только поправит здоровье, - и сразу же вернется. Однако сначала доктора советовали ему

оставаться в степи, а потом и сам он пришел к заключению, что с таким здоровьем «в Петербурге постоянно жить нельзя».

Тем не менее, Валиханов уже не мыслил своей жизни без Петербурга, строил планы на будущее и делился мечтами с Достоевским: «хотя бы через год или два мы станем ездить в Петербург, проведем с добрыми друзьями несколько приятных месяцев, запасемся новыми книгами, новыми идеями и опять в Орду, к киргизам...». К несчастью, планам этим не суждено было сбыться. Здоровье он так и не поправил, хрупкий организм не выдержал невзгод и испытаний, которые обрушились на него в последние три года. Валиханов ушел из жизни совсем молодым, не успев полностью раскрыть и реализовать свой громадный талант.

И все же, возвращение Валиханова в Петербург состоялось. Это случилось в 1904 г., когда в свет вышла книга «Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова», изданная под редакцией Н. И. Веселовского в «Записках» Императорского Русского Географического общества.

«Как блестящий метеор промелькнул над нивой востоковедения потомок киргизских ханов и в то же время офицер русской армии Чокан Чингисович Валиханов. Русские ориенталисты единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе тюркских народов; но преждевременная кончина Чокана лишила нас этих надежд», — напишет в предисловии к этому изданию профессор Веселовский.